

А.А. Сеничева

Вологодский государственный университет

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ: ВИЗУАЛЬНЫЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ В КНИГЕ Л.В. ЕГОРОВОЙ

В статье рассматриваются визуальные решения и семантические коды в оформлении и анализе книги Л.В. Егоровой «Издать и перевести невозможное: из истории “Колымских рассказов”». Особое внимание уделяется визуальному акценту в названии и его роли в создании модуса загадки и драматизма. Исследуется сопоставление оригинальных текстов В.Т. Шаламова с редакциями и переводами, а также анализируется, как эти изменения влияют на «душу текста».

В.Т. Шаламов, «Колымские рассказы», семантический код, перевод.

Паратекстуальные решения печатного издания играют важную роль в восприятии и интерпретации текста. Уже в названии книги Л.В. Егоровой «Издать и перевести невозможное: из истории “Колымских рассказов”» [1] наблюдается использование визуального акцента: приставка «не» выделена красным цветом. Это привлекает внимание читателя к модусу загадки, создавая ощущение неразрешимого противоречия. Противопоставление понятий «возможное» и «невозможное» заложено уже в заглавии работы, что усиливает драматизм и интригу, подчеркивая ключевую тему книги. Это противопоставление задает тон дальнейшему исследованию, в котором Егорова выступает как литературоведческий детектив, раскрывающий сложные аспекты переводов и редакций «Колымских рассказов». Визуальный элемент в названии книги становится первым шагом к погружению в глубокий анализ текста и контекста.

В качестве фона обложки Даниила Заботина был выбран черновик рассказа «Шерри-бренди». Смысловая структура этого произведения значительно обогащает паратекстуальные смыслы. «Шерри-бренди» представляет одну из вариаций мифа о смерти Осипа Мандельштама. Ключевой образ рассказа – умирающий поэт. Шаламов, будучи не только прозаиком, но и поэтом, передает в своих текстах особое поэтическое ощущение мира. Это своеобразный диалог поэта с поэтом, где на первый план выходят вечные вопросы о смысле и предназначении творчества. Герой находится в пограничном состоянии между жизнью и смертью. Если смерть воспринимается на бытийном уровне, то жизнь в рассказе «была вдохновением, именно вдохновением» [6, т. 1, с. 103]. Рассказ становится метафорой судьбы интеллигенции и поэтов в сталинских лагерях, ставит акцент на смысл существования творческого человека, что отражает позицию самого Шаламова: «Он думает не для стихов, а для своей души. А когда душа и жизнь помимо него оказываются стихами, музыкой, картиной, это не зависит от его воли, это воля мира, какой-то части мира,

захотевшей говорить его языком» [2, с. 324]. Таким образом, обложка – это не просто визуализация пограничных понятий (жизнь/смерть, возможное/невозможное), а графическое воплощение культурного диалога о силе творчества, его предназначении, роли поэта и работе его бессмертной души, что усиливает и углубляет восприятие текста, делает акцент на непрерывности и трансцендентности творческого акта.

Эффект размещения портрета Шаламова в разрыве страницы кажется также неслучайным: изображение не полного портрета, а лишь глаз отсылает к известному афоризму «глаза – зеркало души». Метафорический уровень ассоциаций обогащается, и читатель вновь улавливает отсылку к природе отражения: души в тексте, писателя в переводах, автора в слове, личности в истории. Образ зеркала семантически связан со способностью смотреть и видеть. Всмотриваться не только в структуру, а пытаться разглядеть суть, нечто большее за привычными визуальными объектами.

Известный персонаж Мигеля де Сервантеса Дон Кихот проводит размышления о ремесле переводчиков, сравнивая их труд с фламандским ковром, рассматриваемым с изнанки: «хоть и видишь фигуры, они все же затуманены покрывающими их нитями, и пропадает вся окраска и гладкость лицевой стороны» [5, с. 353]. Этот метафорический образ четко иллюстрирует сложность передачи глубинных смыслов и эстетических особенностей оригинала в переводе. Парадоксально, что именно знаменитый рыцарь печального образа рассуждает о невозможности адекватного перевода. Перевод, как и подвиги самого Дон Кихота, представляет собой стремление к идеалу, которое всегда сопровождается неизбежными искажениями и потерями.

В этом плане «Колымские рассказы» можно назвать уникальным случаем, поскольку первое их издание за границей подверглось достаточно грубой редакции со стороны Р.Б. Гуля. И хотя это не является переводом, адаптированным на другой язык, скор-

ректированный текст представляет собой ту самую фламандскую «изнанку».

Исследования издательского опыта и переводов «Колымских рассказов» Шаламова можно сравнить с поисками «души культуры» по Шпенглеру: эти рассказы воплощают в себе результат переработки опыта конкретной исторической эпохи. «Колымские рассказы» были созданы в определенных условиях, без которых они бы никогда не появились, и являются результатом глубокой переработки опыта конкретного исторического ландшафта, пережитого автором «каждой порой кожи, каждым нервом своим» [6, с. 148].

Рассказы представляют собой яркое проявление «души культуры», воплощенной в тексте, и являются свидетельством «сокровенной, страстной борьбы за утверждение идеи против сил хаоса, давящих извне, против бессознательного, распирающего изнутри, куда силы эти злобно стянулись» [7, с. 264]. Благодаря своей установке на документальность, художественный мир «Колымских рассказов» обретает «глубоко символическую и почти мистическую связь с протяженностью, с пространством, в котором и через которое она (душа) ищет самоосуществления» (Там же, с. 264).

Анализ, который проводит Л.В. Егорова, – не просто исследование переводов, а попытка осмыслить ту самую «душу культуры» – душу текста. Основным методом ее исследования/расследования является сопоставление, которое позволяет выявить, как душа покидает или сохраняется в тексте при переводе. Сравнивая переводы с оригиналом, Егорова позволяет нам глубже понять и ощутить талант Шаламова, его мастерство в передаче «одушевления» текста.

Парадоксально, но следя за исчезновением души из художественного целого, мы наблюдаем обратный эффект обогащения образа – попытку осмыслить, что делает произведение одушевленным. Исследуя утраты и изменения, мы начинаем лучше понимать и ценить подлинную природу текста, его внутреннюю силу и культурную значимость. Именно через этот процесс критического анализа и сопоставления Егорова раскрывает глубинные слои произведений Шаламова, делая их доступными и понятными для широкой аудитории, одновременно сохраняя их уникальность и аутентичность. Это позволяет нам не только увидеть, но и почувствовать, как «душа» культуры проявляется и сохраняется в литературном наследии. В этом смысле автор выступает не просто фиксатором подвига, но соответствует литератору нового типа (по Ю.М. Лотману) – «исследователь, которому необходимо соединить широкое владение самостоятельно добытым эмпирическим материалом с навыками дуктивного мышления, вырабатываемого точными науками» [3, с. 100].

Первая часть книги посвящена сравнительному анализу первого издания «Колымских рассказов» в нью-йоркском «Новом журнале». Литературоведческий детектив проявляется на уровне структуры текста. Автор знакомит нас с контекстом, фиксируя возможные варианты попадания текста Шаламова Гулю. Для каждого из возможных «литературных агентов» составляется краткое досье, включающее годы жизни, место работы, образование, факты биографии и вер-

сию передачи текста. Отличительной чертой жанра детектива является сосредоточение сюжетного зерна на разгадывании тайны и мотивов преступления. В данном случае перед нами развернутый состав «преступления» – видоизменения / ухода души из текста в редакции Гуля.

Следуя за анализом Егоровой, можно обозначить несколько главных выводов об особенностях текста Шаламова. Во-первых, это единое целое цикла, нарушенное вопреки вектору авторской мысли. Во-вторых, это «особый семантический код», где знаки препинания отражают «внутренний смысл» [1, с. 30]. Ю.М. Лотман подчеркивает важность глубинного анализа произведения, когда знаковая единица не равна сама себе и выходит за рамки означаемого: «понятие “текст” для литературоведа оказывается значительно более сложным, чем для лингвиста» [4, с. 131]. Монография демонстрирует, как редакторские правки Гуля искажают исходный замысел Шаламова, изменяя семантический код текста. Это особенно явно в изменении использования знаков препинания, которые у Шаламова выполняют не только грамматическую, но и семантическую функцию, помогая читателю уловить внутренние смыслы и эмоции.

Кроме того, изменение вектора повествования указывает на фундаментальные различия в подходах Шаламова и Гуля к описанию быта. Шаламов создает микрокосмос, в котором каждое описание быта насыщено глубоким символизмом и отражает более широкие философские и культурные контексты. Гуль, напротив, снижает этот уровень до простого бытописания, лишая текст его «души».

Сравнительным отражением редакции Р. Гуля становится редакция М.Я. Геллера, который, несомненно, оценил «преступление» первого редактора и подошел к публикации с точки зрения исследователя. Людмила Владимировна посвящает отдельную главу личности, работе и редакции Геллера. Это дает возможность говорить о зеркальной структуре отражения не только на паратекстуальном и смысловом уровне, но и на структурном уровне книги. Следуя за хронологией событий, мы не просто погружаемся в историю, а невольно вслед за автором постоянно сравниваем семантику текстологических реальностей.

Освальд Шпенглер подчеркивал, что культура является ключевым элементом исторического процесса, в котором проявляется уникальное мировоззрение личности. В этом контексте перевод рассматривается как процесс интеркультурной интеграции, где каждый этап существования произведения находит отражение в его переводах. Переводы становятся неотъемлемой частью жизненного цикла текста, отображая его адаптацию и трансформацию в различных культурных контекстах.

«Колымские рассказы» Варлама Шаламова имеют сложную историю, включающую многочисленные переводы и редакции. Первые значительные переводы на английский язык были выполнены Джоном Глэдом, чья работа основывалась на редакциях Гуля и Геллера. Это создавало трудности при передаче национального колорита и внутренней «души текста». Дональд Рейфилд позднее выполнил полный перевод, сопровождаемый историко-культурным комментарием.

ем, что способствовало более глубокому пониманию произведения. Каждый новый перевод и редакция являются отражением восприятия произведения в различных исторических и культурных условиях, это подчеркивает важность культурного взаимодействия.

В соответствии с делением знаков на условные и изобразительные (по Ю.М. Лотману) «душа текста» в «Колымских рассказах» Шаламова раскрывается через взаимодействие разных типов знаков. Условные знаки представлены на лексическом, грамматическом и фонетическом уровне, где слова передают основные смысловые и эмоциональные аспекты произведения, включая символизм и культурные аллюзии. Изобразительные знаки включают паратекстуальные элементы, такие как визуальное оформление обложки, структурные особенности текста и графические акценты, которые дополняют и усиливают восприятие содержания. Работа Егоровой интегрирует условные и изобразительные знаки, представляя многослойное символическое пространство. Это создает эффект постоянного диалога со временем и обстоятельствами, где биографии редакторов и переводчиков становятся частью биографии художественного текста.

Сравнительный анализ различных фрагментов «Колымских рассказов» создает для читателя ощущение пребывания в пограничном состоянии между «жизнью» и «смертью» автора в контексте редакторских и переводческих интерпретаций. Такой методический подход позволяет выявить очертания «души текста». Литературоведческие исследования утраченного открывают новые перспективы для дальнейших

изучений, не завершая диалог, а продолжая его на разных языках и в разные эпохи.

Литература

1. Егорова, Л. В. Издать и перевести невозможное: из истории «Колымских рассказов»: монография / Л. В. Егорова. – Вологда: ВоГУ, 2024. – 251 с.

2. Емельянова, И. И. Легенды Потаповского переуллка. Б. Пастернак, А. Эфрон, В. Шаламов. Воспоминания и письма / И. И. Емельянова. – М., 1997. – 400 с.

3. Лотман, Ю. М. Литературоведение должно быть наукой / Ю. М. Лотман // Вопросы литературы. – 1967. – № 1. – С. 90–100.

4. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. – Москва: Искусство, 1970. – 384 с.

5. Сервантес Сааведра, Мигель де (1547–1616). Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский = El Ingenioso hidalgo Don Quijote De La Mancha: El Ingenioso hidalgo Don Quijote De La Mancha: с прибавлением «Лжекихота» Авельянеды: пер. «Дон Кихота» по изд. «Academia» 1929–1932 гг. под ред. Б. А. Кржевского и А. А. Смирнова, посвящ. памяти проф. Дмитрия Константиновича Петрова / Мигель де Сервантес Сааведра; подготовил Н. И. Балашов [и др.]. – Москва: Наука, 2003. (Литературные памятники: ЛП / Рос. акад. наук). – 808 с.

6. Шаламов, В. Т. Собрание сочинений: в 6 томах: [+том 7, дополнительный] / В. Т. Шаламов; [составитель, подготовка текста, вступительная статья, примечание: И. Сиротинская]. – Москва: Терра: Книжный Клуб Книговек, 2013.

7. Шпенглер, Освальд (1880–1936). Закат Европы [Текст]: очерки морфологии мировой истории / О. Шпенглер; перевод с немецкого, вступительная статья и примечание К. А. Свасьяна. – Т. 1: Гештальт и действительность. – Москва: Мысль, 1998. – 666 с.

A.A. Senicheva

LITERARY DETECTIVE: VISUAL AND SEMANTIC SOLUTIONS IN L. EGOROVA'S BOOK

The article explores the visual solutions and semantic codes in the design and analysis of L.V. Egorova's book "To Publish and Translate the Impossible: From the History of *Kolyma Tales*". Special attention is paid to the visual emphasis in the title and its role in creating a sense of mystery and drama. The comparison between the original texts of V.T. Shalamov and their edited versions and translations is examined, as well as how these changes affect the "soul of the text".

V.T. Shalamov, *Kolyma Tales*, semantic code, translation.